
РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

А. К. Мокроусова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОПИСАНИЙ РАЙОНА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В процессе проведения мероприятий городской социальной политики есть один очень важный момент: часто хорошие идеи не работают, не достигают поставленных целей. Например, некоторые построенные объекты используются не по назначению или не используются вообще. Как кажется, причины этого могут быть различными. Возможно, изначально не были учтены существующие исследования и социальные теории, изучающие взаимодействия людей и объектов в городе, или же в основу были положены слишком абстрактные теории, только на бумаге выстраивающие идеальный город. Так, Дж. Джекобс в своих работах приводит примеры, когда власти, пытаясь спасти районы от полного превращения в нищие трущобы, перестраивали их в соответствии с популярными градостроительными концепциями, но лишь ухудшали положение, а районы, казалось бы, несоответствующие критериям «правильного» и «благополучного», наоборот процветали и успешно развивались вопреки ситуации [Джекобс, 2011. С. 20].

В статье А. Бикбова о московских и парижских пространствах есть удачное понятие – «порождающая грамматика города». А. Бикбов пишет: «помнить о том, что за материальными формами Москвы и Парижа скрывается социальное пространство *suī generis* – значит обеспечить связь между чистой морфологией и порождающей грамматикой города» [Бикбов, 2002. С. 148]. Задача социальных ученых, если они хотят найти практическое применение своим схемам, вероятно, в том, чтобы помогать градостроителям, дизайнерам, архитекторам выстраивать эту порождающую грамматику города, то есть искать, какие изменения физического пространства могут теоретически сделать город другим в социальном аспекте и какие социальные изменения можно произвести за счет физических.

В городах случается так, что некоторые пространства не «работают» по назначению: детские площадки остаются полупустыми, а дети играют на улице; парки привлекают только бездомных, а люди в обеденный перерыв сидят вокруг фонтана на площади, а не в кафе на другом конце улицы; тумбы, специально поставленные «в кружок», не способствуют общению, зато люди устраиваются целыми компаниями на ступеньках; площади, предназначенные для прогулок, игнорируются и используются только, чтобы пройти сквозь них. Все эти и многие подобные случаи показывают нам связь физического пространства с социальным, изменения же социального пространства в свою очередь могут влиять уже на социальные изменения сами по себе, то есть, например, на самоощущение людей, на изменения в коммуникации, в образе города.

Как пишет Т.М. Дридзе, город «создается деятельностью людей, повседневные запросы которых и составляют собственно социальную “подоснову” сотворения рукотворных городских ландшафтов» [Дридзе, 2011. С. 26]. Таким образом, главное в городе – это его люди, соответственно, проектировать и строить его надо в соответствии с их запросами. Дизайн должен быть не ради дизайнера, но ради сообщества и коммуникации внутри него.

Однако вернемся к возможным причинам поломки механизмов, направленных на улучшение жизни в городе. Одна из них может, на наш взгляд, скрываться в том, что нарушены коммуникации в сообществе, то есть, во-первых, информация, заложенная в объектах, не считывается или считывается не в том виде, в каком это было задумано, а во-вторых, каналы информации не выполняют своих функций или вообще не налажены.

Рассмотрим сказанное на конкретном примере. В районе Отрадное институтом архитектуры, медиа и дизайна «Стрелка» был проведен практический семинар-исследование (workshop) «Город как история»¹, направленный на «развитие физических и перформативных интервенций, которые должны заинтересовать общество и привлечь его к сотрудничеству», а также «на создание стратегий по внешнему преобразованию, на выявление особенностей общества и местности, в которой оно развивается, что в дальнейшем должно упростить взаимодействие между жителями и местными органами власти»². Подобные мероприятия играют двойную роль: являются исследовательским проектом, изучающим конкретный район и ограниченный круг проблем, и одновременно могут рассматриваться как часть социальной политики района, так как проходят во взаимодействии с представителями местной администрации и городскими активистами. В результате становится возможным привлечь внимание, что-то изменить

¹ Совместно с Центральным колледжем искусств Св. Мартина (Central St. Martins College of Art) под руководством Сары Фазерстоун (Sarah Featherstone) и Ионы Пьел (Jona Piehl, а также при участии Partizaning.org).

² Из описания мероприятия.

в реальном «поле», постепенно наладить коммуникацию между жителями и местной властью. Важно, что в ходе работы стали заметны некоторые возможные причины того, почему мероприятия, механизмы, направленные на улучшение жизни в районе, не действуют в полной мере.

В одной из групп участники обсуждали факт наличия большого количества объявлений, как коммерческих, так и «социальных», повсеместно представленных в районе. По их мнению, они явно не выполняют своей функции: большое количество однообразных коммерческих объявлений воспринимаются как мусор, а «социальные» и частные теряются среди них или располагаются в малопосещаемых местах. Например, на спортивной площадке было подробно расписано, где и когда пройдут ближайшие спортивные мероприятия в районе, однако с трудом верится, что небольшое объявление в глубине двора – это достаточный способ оповещения всех заинтересованных групп. Вопрос о взаимодействии с властями и о доступности информации остается открытым. Таким образом, одной из задач по улучшению жизни в районе могло бы стать перенаправление потоков информации и создание мест ее эффективного сбора, где она была бы востребована, особенно это касается объявлений частных, «снизу», связанных с взаимодейшкой соседей, обменом, разного рода волонтерством.

Другая возможная причина проблем с организацией мероприятий по улучшению жизни в конкретном районе, предположительно, более абстрактна и сложна в решении, но, как представляется, ее исправление может привести и к большим результатам. Мы говорим о проблеме идентификации района, о создании его образа, который может выстраиваться как за счет информации в СМИ, так и за счет непосредственных практик и физических преобразований. Нужно задуматься о создании ощущения причастности горожан к своему месту жительства, о лишении района штампа неинтересного, района «у-нас-ничего-нет», показать, что интересным может быть все, менять представления людей о самих себе. Красивая, дружелюбная среда может в перспективе сама начать формировать человеческий климат, а образ района, в который приезжают только ночевать, психологически не позволяет замечать и как-то адекватно реагировать на попытки изменений. Можно много лет прожить в подобном районе рядом с парком и лишь случайно узнать, что он в принципе существует.

Участники мероприятия использовали ряд инструментов для решения некоторых вышеописанных задач. Так, для того, чтобы изменить что-то в идентичности района, нужно научить людей сначала удивляться, обращать внимание на то, что находится вокруг. Просто начать задумываться и задавать себе вопросы: что здесь происходит? почему это здесь? к лучшему ли изменения? Например, участниками были нанесены нестандартные «философские» надписи на тротуаре и стенах, были проведены экскурсии по спальному району, то есть в некотором роде была проведена попытка сломать стереотипные представления людей о таких районах в целом

и в частности об их родном Отрадном. Действие (две экскурсии в данном случае), маркирующее пространство как «интересное», как «исторический центр», как «место притяжения» накладывалось на пространство, которое самими жителями, скорее, маркируется как «нейтральное» в лучшем случае. В районе должно быть что-то, с чем у человека есть ассоциации, воспоминания, места, отмеченные физически или ментально: начиная от собственноручно поставленной скамейки у себя во дворе или посаженных цветов до нарисованного граффити и от воспоминаний детства о любимом месте для прятков до образов этого пространства, накопившихся из книг, фильмов или рассказов друзей, тогда человек будет чувствовать причастность к этому месту. Например, необычные надписи на асфальте или стенах гаражей запоминаются людям и помогают отличать одно место от другого. Рассказанные или написанные истории о районе (реальные и вымышленные), память об исторических персонажах и событиях недавнего прошлого, проведение уличных игр могут также придать району индивидуальность и помочь людям почувствовать, что это «их» район.

Создание комфортного общения и взаимодействия соседей, то есть создание здорового местного сообщества – задача, конечно, комплексная и тоже непростая, но, как и в случае с образом района, ее необходимо учитывать, иначе усложнится в итоге решение всех более стандартных проблем. Налаженная коммуникация помогает как прохождению потоков информации «снизу», так и от местных властей («сверху»), а также позволяет сформировать положительный образ района и чувство личной причастности к нему. Участники мероприятия развивали идею взаимопомощи в сообществе: например, были установлены стилизованные доски со стикерами, на которых соседи могли бы писать, чем они могут помочь друг другу и в чем они нуждаются. В одном из подъездов была придумана и разыграна история о только что въехавших соседях, желающих познакомиться с другими жителями подъезда. Сам подъезд был украшен шариками и приглашениями к встрече и общению. Таким необычным способом можно постепенно менять взгляд на привычные вещи и начинать решать проблемы местного характера за счет самоорганизации сообщества.

Согласно некоторым подходам в социальных науках, социальное пространство создается в том числе и за счет коммуникации и практик людей. Возможно, если бы подобные интервенции продолжались, то изменились бы и реакции людей (они не всегда были положительными, надо признать), их отношение, а в перспективе и практики их поведения в пространстве их района.

Большинство авторов говорят о том, что именно коммуникация структурирует пространство. Однако выбрать лишь одну перспективу влияния означало бы впасть либо в географический, либо в социальный детерминизм, поэтому вопрос о том, кто кого структурирует (пространство коммуникацию или коммуникация пространство), остается

открытым. С одной стороны, очевидно, что мы «увидим» только то, что готовы увидеть (в одном из исследований аборигенов говорилось, что люди, ни разу в жизни не видевшие зданий выше одного-двух этажей, просто не замечают этажей над вторым), что наша интерпретация пространства и есть то, как мы потом его опишем. В наше представление о пространстве включены уже существовавшие в голове знания о нем из различных источников, письменных описаний в книгах, устных описаний знакомых, образов из фильмов или своих воображаемых образов, сформированных письменными описаниями. Однако эти образы не настолько авторитарны, что от них невозможно избавиться или их скорректировать. Если мы видим пространство, о котором мы ничего не знаем, то, конечно, мы попытаемся мысленно классифицировать его как что-то, о чем мы уже имеем представление, но все же наши описания могут быть более или менее «объективными».

С другой стороны, пространство имеет определенное «давление» на человека. Под «давлением» места на человека мы подразумеваем тот факт, что пространство само задает определенную схему действия. Человек изучает и принимает эти схемы в процессе социализации. Так, ребенок учится, что нужно ходить по тротуарам и нельзя бегать по шоссе, что нужно тихо вести себя в кинотеатре, но можно громко смеяться на детской площадке и так далее.

Пространство постоянно обговаривается, обговариваются его функции, ведь одно и то же пространство можно использовать совершенно по-разному, все зависит зачастую только от степени свободы, позволяемой человеком самому себе. Однако любопытно поговорить и о некотором роде невербальной коммуникации. Наши действия считаются другими людьми не хуже наших слов, а иногда могут давать даже большее понимание и знание.

С одной стороны, традиции и нормы поведения, повседневные практиками поддерживают пространство относительно неизменным (в широком масштабе). Однако, с другой стороны, при более пристальном взгляде на эти практики мы сможем увидеть, что в малом масштабе именно они (незначительно, но постоянно) изменяют окружающее пространство. В одном и том же пространстве могут производиться различные практики, однако не обязательно, чтобы при этом происходили какие-то физические изменения. Соответственно, у пространства есть какое-то свойство, позволяющее ему быть многозначным, вариативно воспринимаемым. Если использовать лингвистические понятия, то различный контекст позволяет давать пространству различные интерпретации. С «давлением» пространства, надо заметить, связано и ограниченное количество его интерпретаций или, по крайней мере, необходимость прикладывать определенные усилия, чтобы произвести неконвенциональную интерпретацию и начать действовать в соответствии с ней.

Интерпретации зависят не только от самих физических объектов, но и от действий с ними или среди них и, возможно, что действия имеют даже большее значение. Так, городское пространство позволяет множество действий, которые будут восприняты как нормальные, а также ряд действий, которые могут казаться более неконвенциональными, странными или экстравагантными, однако также приниматься. Одни и те же объекты могут выполнять различные функции, потому что, как пишет К. Линч, «урбанистический ландшафт отнюдь не обладает той функциональной однозначностью, которая характерна для кабины пилота или рабочего места машиниста (все эргономические стандарты разрабатывались именно для таких ситуаций)» [Линч, 1982. С. 230]. Скамейки, телефонные будки без телефонов, бордюры, урны, лестницы – все эти, казалось бы, объекты с четкой единичной функцией, обладают еще рядом альтернативных функций, использование которых означает, что человек произвел не базовую интерпретацию пространства, а одну из «альтернативных». Например, ребенок, забравшийся верхом на скамейку, вероятно, использует ее, если употреблять формальные термины, как игровой снаряд, а в реальной жизни воображает ее, возможно, своим парусником, а себя капитаном, то есть одна из альтернативных интерпретаций улицы – площадка для игры.

Надо заметить, что еще лет 40–50 назад в градостроительстве не учитывались подобные возможности, но постепенно городское пространство начинает заранее конструироваться так, чтобы быть многофункциональным, а соответственно, широко интерпретативным.

Обобщив сказанное, мы получаем достаточно противоречивые функции интерпретативного описания. С одной стороны, описание – это всегда выбор одной из потенциальных интерпретаций, а значит, и редукция, но, с другой – описание лишь нечеткое направление для дальнейших интерпретаций. Как и во многих взаимодействиях, в отношении связи социального пространства и коммуникации (вербальной и невербальной) следует говорить, скорее, о взаимовлиянии. Пространство дает ряд возможностей для интерпретаций и соответствующих коммуникаций, но «здесь-и-сейчас» существует всегда только одна из них, которая и выстраивает пространство. Задача конструирования здорового сообщества неотделима от задачи создания возможностей для коммуникации внутри него, в том числе коммуникации о пространстве.

Список источников

Бикбов А. Москва / Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. 2002. № 3 (34). С. 145–168.

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011.

Дридзе Т. М. Вернуть столицу горожанам (О социальной диагностике в градостроительстве) // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5. С. 26–34.
Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.

Мокроусова Анастасия Константиновна

аспирант кафедры анализа социальных институтов
факультета социологии НИУ ВШЭ, Москва

электронная почта: amokrousova@hse.ru, minakorus@rambler.ru

А. В. Немировская

ГИД СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Ярская В. Н. Методология диссертационного исследования: как защитить диссертацию. Полезно молодому ученому, соискателю ученой степени. М.: Вариант, 2011. 176 с. ISBN 978-5-903360-58-1

«Как подготовить диссертацию и успешно ее защитить?» Российский книжный рынок предлагает в помощь молодому исследователю целый ряд пособий с ответом на этот вопрос. Часть из них ориентирована исключительно на соискателей ученой степени кандидата наук, другие – универсальны, нацелены и на будущих кандидатов, и на докторов, в том числе как на исследователей в области точных наук, так и естественных, и социальных. Выбор пособий для соискателей ученой степени разного уровня достаточно широкий, например, работы таких авторов, как Ю. Г. Волков, Ф. А. Кузин, А. М. Новиков, А. Т. Марьянович, И. В. Князькин, Б. А. Райзберг, многократно переиздавались в последние годы. Среди этого методического и жанрового разнообразия выделяется новое пособие по подготовке исследовательской работы «Методология диссертационного исследования: как защитить диссертацию». Эта работа обобщает современные требования к научным квалификационным работам, принципы научного этикета и, что самое важное, авторский опыт руководства десятками диссертационных исследований.

Адресованная соискателям научной степени книга известного ученого профессора Валентины Николаевны Ярской – это гид для начинающего исследователя в области социогуманитарной науки. Научно-методическое пособие проводит соискателя через весь процесс эффективной аспирантуры – от понимания сути научно-исследовательской деятельности и осознания себя в ней до создания качественной, оригинальной квалификационной работы, ее публичной презентации и успешной защиты. Особенно важно, что